

Михаил Годенко

Избранные произведения

Михаил Годенко

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ
ТОМАХ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

МИННОЕ ПОЛЕ

Роман

СТУДЕНТ В БУШЛАТЕ

Повесть

ЗАЗИМОК

Роман

МОСКВА

„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА.“

1983

Вступительная статья
В. Кочеткова

Оформление художника
С. Томилина

Иллюстрации художника
И. Спасского

Фото на вклейке
В. Богданова

ПРОЗА МИХАИЛА ГОДЕНКО

Творческая биография Михаила Годенко как бы распадается на две самостоятельные части. Вначале он был поэтом, и только поэтом, умел прозаические вещи переводить на язык лирики и занял среди поэтов военного поколения свое, особое место, затем как-то вдруг «перешел» в прозаики, решительно и, кажется, навсегда «приземлив» легкокрылых птиц поэзии.

Но если внимательно вчитаться в его романы, повести, поэмы и стихи, обнаружится их органическое единство, их принадлежность одному творческому руслу, одной теме и одной думе. И в поэзии, и в прозе Михаил Годенко рассказывает об одном и том же крае, о схожих людских судьбах, об отрезке прошлого, который вобрал в себя и годы коллективизации, и мирные предвоенные годы, и четырехлетие войны, и послевоенное время, когда жизнь, растерзанная нашествием фашистских варваров, снова входила в свои привычные берега, снова расцветивалась красками надежды, радости, счастья, когда «минное поле» войны, о кото-

ром с такой жесткой правдой поведал он в своем первом романе, постепенно разминировалось золотыми руками советских людей.

Верность своей главной, выстраданной теме делает творческую судьбу писателя поучительной.

Михаил Матвеевич Годенко родился 1 октября 1919 года в селе Новоспасовка (ныне село Осипенко) Бердянского района Запорожской области. Рисуя образ своей «малой» родины, он прежде всего подчеркивает продутую ветрами, немеренную ширь запорожской степи и высокое степное небо, в бездонной глубине которого гасли скрипы чумацких возов, возвращавшихся «на Украину» с крымской солью. Новоспасовка издавна славилась хлеборобами. Хлеборобом был и отец Михаила Годенко Матвей Селиванович, один из зачинателей колхозного движения на юге Украины.

Образ отца, труженика, коммуниста, колхозного вожака, с впалыми от бессонниц глазами, с сухим блеском опаленных ветром щек, проходит через все книги Михаила Годенко, как и образ матери Анны Поликарповны, бывшей коммунарки в красной косынке, умевшей разбудить в сыне любовь к живому, певучему, «округлому» украинскому слову.

Призванный перед войной в армию, Михаил Годенко годы войны провел на Балтийском флоте в должности минера. В 1942 году в газете «Красный Балтийский флот», вырастившей не одного талантливого писателя, появились его первые стихи рядом со стихами Михаила Дудина и другого фронтового поэта — Ивана Габана. После войны Михаил Годенко с рекомендацией Александра Прокофьева поступил в Литературный институт имени М. Горького.

В повести «Студент в бушлате», во многом автобиографической, не без юмора рассказано, как бывший моряк вживался в институтскую среду. Однокурсниками Михаила Годенко оказались такие же, как и он, бывшие фронтовики: пехотинцы, артиллеристы, танкисты, зенитчики, моряки. За соседним столом сидели молчаливый, с черной повязкой на глазах Эдуард Асадов и словоохотливый Григорий Поженян. Тут были и Юрий Бондарев, и Владимир Солоухин, и Семен Шуртаков, и Григорий Бакланов, и Отар Челидзе, и Александр Рекемчук, и Владимир Тендряков, и Евгений Винокуров, и еще многие из тех, кто ныне входит в состав главных сил действующей армии советских литераторов. А рядом с ними Георгий Джагаров и Лилиана Стефанова — молодые болгарские поэты, приехавшие учиться в Москву.

Защитив в 1951 году с отличием диплом, выпускник Литературного института Михаил Годенко вскоре публикует свою поэму

«Последний», в которой повествует о становлении колхозной жизни в бессарабской деревне, о молдавском крестьянине Мурузе, о его сомнениях, надеждах, тревогах, о его трудном, с полынной горчинкой, счастье. В поэме выявилась главная особенность дарования Михаила Годенко — умение органично соединить лирическое и драматическое, будничное, житейское и «державное», героическое.

В 1957—1961 годах Михаил Годенко работал в журнале «Октябрь», главным редактором которого был тогда Федор Панферов. Автор известного романа «Бруски» обладал качествами настоящего литературного вожака. Журнал, руководимый им, вывел в люди многих и многих талантливых прозаиков, поэтов, критиков, очеркистов и публицистов. Именно Панферову обязаны своим становлением Михаил Бубеннов и Всеволод Кочетов, Галина Николаева и Виталий Закруткин, Григорий Коновалов и Борис Полевой, Василий Федоров и Николай Тряпкин, Сергей Викулов и Егор Исаев. Федор Иванович умел из самой гущи жизни, чаще всего провинциальной, выхватить молодое, еще робкое дарование, заставить его поверить в себя, вывести на орбиту большой литературы и внимательно следить за ростом и взрослением своего подопечного.

«В «школе Панферова» Михаил Годенко учился прежде всего бережному обращению со своим жизненным опытом. Активную гражданскую позицию, смелость в исследовании социальных проблем, глубокое знание жизни ценил Федор Иванович превыше литературной умелости, технической опытности, профессиональной «мастеровитости». Собственно он посоветовал Михаилу Годенко взяться за написание первой его прозаической вещи — романа «Минное поле», опубликованного в журнале «Москва» в 1964 году.

Уже в начальных строках романа мы снова ощущаем сплав тревоги, надежды, боли и сыновней любви к отчей земле, так характерной для Годенко-поэта. «Не грязь, а размытый дождями чернозем, который кормит людей», — лишь человек, кровно связанный с крестьянским трудом, с сельщиной, мог сказать так неожиданно просто и сердечно о земле.

Роман «Минное поле» состоит из двух книг. Первая вобрала в себя всю довоенную жизнь Михаила Супруна, сельского парня из украинского села Белые Воды. Вторая книга отдана флотской жизни минера Михаила Супруна.

Чтобы понять, откуда в советском человеке взялась сила, пересилившая мощь железной гитлеровской армады, надо обратиться к истокам каждой солдатской судьбы, заглянуть в те годы, которые формировали будущих воинов, закаляли сердца, напол-

няли их отвагой и мужеством, воспитывали в советских людях чувство беззаветной любви к родине.

В каждодневных подробностях жизни молодого Михаила Супруна словно бы теряется главное слово о том довоенном времени. Встречи, расставания, ссоры и примирения, поездки в город, работа в поле и на бахче, первая любовь и первое разочарование. У кого этого не было и можно ли по этим «родовым» приметам судить об особенностях времени, которое одним плечом упирается в семнадцатый год, а другим в сорок первый? Оказывается, можно. Именно простая, будничная, не «историческая» жизнь беловодцев служит верным подтверждением того, что тридцатые годы были годами огромных изменений в духовном и нравственном климате миллионов людей. Словно люди вышли из какой-то теснины на степной «шлях» и всем сердцем ощутили открывшиеся им дали.

«Прощайте, Белые Воды... Прощайте, горячие воронцы — пунцовые цветы юности! Прощай, добрая речка! Мишко уезжает в большой мир, к великим океанам, куда и ты пытаешься донести свои наивные воды!» Прощаясь со страной детства, Супрун еще не осознает, что Белые Воды живут не отдельно от большого мира, а составляют его необходимейшую часть, что степное сельцо одарило его таким богатством, которому могут позавидовать самые настойчивые из тех, кто, как сказал когда-то Петрарка, надеется вкушать все улады неба, и все утехы земли.

Во второй книге «Минное поле» Михаил Годенко «с ходу» кидает своего главного героя в самое пекло войны. Картина горящего Таллина, с которой начинается рассказ о солдатской судьбе Михаила Супруна, впечатляет своим трагическим лаконизмом.

В книге о войне Михаил Годенко без всяких подступов вводит нас в горестные осенние дни сорок первого года. Он как бы говорит читателю: не стану тебя убаюкивать романтикой, не хочу пугать «реализмом» пережитого, вот хроника событий, участником которых я был, она без прикрас расскажет тебе о войне, о всех ее бедах, драмах и о всем ее величии.

Михаил Супрун начинает войну как участник трагического перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Переход этот стал одной из самых мужественных страниц истории советского флота в начальный период Великой Отечественной войны. Окруженные со всех сторон кораблями и подводными лодками противника, отбиваясь от нападающей армады «юнкерсов» и «хейнкелей», балтийцы выказали такой характер, такую выдержку и стойкость, с таким бесстрашием шли на прорыв, что противник в

растерянности и страхе ретировался, не смея помешать выходу эскадры из огненного кольца.

Резкими, точными мазками рисует Михаил Годенко одну за другой стремительно меняющиеся сцены прорыва, умело передавая и ярость движения, и трагизм обстановки, и вспышки боя, и бес- сильный гнев команды «расстрелянного» эсминца, и «нечеловече- ский» стон залива, охваченного огнем горящих суденышек и «за- сеянного» головами плавающих матросов. Годенко умеет найти такой образ, который как бы высвечивает из дымного мрака ноч- ного боя «кинокадры» страшного похода.

Вот немецкая подводная лодка, выбросив на поверхность хищ- ный глазок перископа, «выстрелила мальком-торпедой, точно жи- вородящая рыба». Вот медленно движущийся сторожевик проби- рается среди хаоса плавающих тел, досок, еще дымящихся облом- ков. И вдруг багор матроса упирается во что-то мягкое. «Пригля- делся — солдатский вещмешок. А хозяина не видно. Весь под во- дой. Что его держит? Может, он пробковый пояс успел надеть перед смертью?» Вот раненный в голову комиссар Гусельников сидит на корме сторожевика «на стеллаже с малыми бомбами». «Сибирский кот со слипшейся шерстью вспрыгнул на стеллаж, отряхнулся так, что пыль водяная поднялась, прижался к боку хозяина. Голова Гусельникова была окровавлена. Каза- лось, он надел ярко-алый берет. Но то был не берет, а вы- вернутая наизнанку кожа: подсечена слева, около уха, и сдернута далеко вправо».

Таких беспощадных в своей правдивости «кадров» немало в романе. Эта способность стремительно разворачивать панораму событий, выхватывая из нее неповторимые в своей конкретности сцены, составляет, на мой взгляд, одну из сильных сторон дарова- ния Михаила Годенко. Он показывает войну не в широком разле- те «глобальных» операций, а в калейдоскопе «малых» боев, в це- почке меняющихся эпизодов, вроде бы не таких уж и значительных, не таких уж и «выигрышных» в структуре романа, но в сумме своей дающих живую, впечатляющую картину самого первого и самого сложного года войны.

Мы видим и капитан-лейтенанта Гусельникова в его «ярко- алом берете», и старого маршала, сбросившего шинель и с нага- ном в руках выпрыгнувшего из окопа с молодецким криком: «За мной, матросики!», и «эрац-матроса» Веку с «каменными ру- ками», и дядька Хому, сельского «депутата», любившего спать на заседаниях сельсовета, и коменданта гауптвахты Рашпиля, и ста- рика Кузнецова, и доктора Филимонова, и еще многих и многих из тех, с кем сводила судьба флотского минера Михаила Супруна. И навсегда нам будет памятен главный герой романа «Минное по-

ле» — Балтийский флот, не уронивший своей чести в схватке с превосходящим его в огневой силе врагом.

В конце романа Михайло Супрун возвращается со службы в свои Белые Воды. Посекая светло-русый чуб лихого старшины, тяжелые тени легли под глазами, в которых спряталась печаль пережитого. И вспоминая довоенные годы, которые война отшвырнула куда-то далеко-далеко в прошлое, автор делает важное признание: «Как ты далек, милый тысяча девятьсот тридцать девятый! Тогда мир казался Михайлу розовым, потому что он смотрел на него через Расино стеклышко. Взрывами мин разнесло то стеклышко в прах. Мир стал ближе, зримей, реальней. Он весь перед глазами — закопченный нещадными дымами, в ссадинах и затянувшихся ранах».

Кажется, на целую большую жизнь удлинились биография Михаила Супруна, а прошло всего восемь лет. Огромный запас разнородных впечатлений, знаний о жизни взял с собой в послевоенный мир Михаил Супрун с того «минного поля», которое он пахал на своем сторожевике до самого дня победы. Студенту Литературного института предстоит осмысливать этот «железный» опыт войны, превращать его в стихи, поэмы, повести и романы. Война кончилась, но она еще не раз ворвется в воспоминания Михаила Супруна, в его раздумья о жизни, о времени, о себе, ее нравственной меркой он будет многое мерить в послевоенном мире.

Бывают художники слова, для которых каждая новая книга означает открытие нового материка. Вчера он вел нас таежными тропами, сегодня ведет степными шляхами или заснеженными дорогами северной тундры, а завтра заманит в горные ущелья или в пустынные такыры. Вкус к повизне — характерная черта их таланта. Они с легкостью перемещаются из края в край, из века в век. Возьмите, скажем, Юрия Нагибина. Вы у него найдете и картины средневекового Лондона, и уютные пейзажи старой Дании, и безлюдные пространства «аввакумовской» Сибири, и тихие улицы бюргерского Лейпцига, и разоренные села белорусского Полесья, и еще многое множество удивительных мест на земле. Или возьмите Константина Паустовского. Его литературной территорией стало все пространство нашего отечества, от «финских хладных скал» до знойных песков Туркмении, от говорливой Одессы до молчаливой Мещеры.

Но бывают художники, которые сразу и навсегда поселяют свою музу в облюбованном крае, чаще всего в стране своего детства, и с неторопливой приглядкой обследуют окружающее, лишь изредка выходя за пределы своей территории.словно степенные сарычи, они кружат над одним и тем же районом жизни, ничего не выпуская из поля своего зрения. В их книгах нет азарта зем-

лепроходцев, но зато они обладают богатейшим, глубинным знанием обыденной жизни, таким многосторонним и подробным знанием, которое как бы заново открывает для нас давно знакомый и привычный мир. Классический пример писателей такого рода — Михаил Шолохов. Певец тихого Дона, он верен своей «малой» родине. В противовес реальному Дону он создал Дон литературный, населив его великим множеством людей, связав все эти тысячи жизней нитями родства, землячества, общности судьбы. Властная сила таланта как бы раздвинула горизонты шолоховской «малой» родины, сделав его героев не «областными» жителями, а жителями Земли, чьи дела и думы, чьи радости и тревоги отзываются в сердцах людей всех континентов.

Или поэзия Александра Твардовского, ее «смоленский» колорит. Твардовскому и принадлежат знаменитые слова о «большой» и «малой» родине, о том, как важно сохранить в душе чувство «малой» родины, из которого с неизбежностью вырастает чувство родины «большой».

Конечно, и в творчестве художников первого типа, о которых я говорил, «малая» родина обязательно присутствует, но она как бы заслонена, «засвечена» калейдоскопом меняющихся пейзажей, территорий, географических поясов и исторической многоголосоцы. В творчестве же писателей второго типа «малая» родина становится главным идейно-художественным и нравственным стержнем повествования.

Михаил Годенко принадлежит к писателям второго типа. Его книги — это концентрические круги, расходящиеся из одного центра. Таким центром стало для Годенко степное Приазовье, пригоршня станиц и хуторов «где-то возле Бердянска», прячущихся в тени акаций.

«За озером, за лесом, во все стороны разбежались луга. Утопая по брюхо в сочных травах, медленно бродят пятнистые коровы. Еще дальше — поля. В полях — хутора. Каменные дома с высокими черепичными крышами. Широкие сараи тоже каменные. И куда ни посмотри — аисты, аисты. Деловито расхаживают по лугам на длинных, почти невидимых ногах. Мирно стоят в высоких гнездах. Со свистом пролетают над головой, раскрыв саженные крылья. От их белизны славно становится на душе. Говорят, аисты приносят счастье. Неужели правда?»

Читатель легко заметит, как отлична «малая» родина Михаила Годенко, скажем, от «малой» родины Василия Белова или Владимира Личутина, Григория Коновалова или Виктора Астафьева, Федора Абрамова или Бориса Можаева. В приведенном отрывке нет той «печали полей», той грустной ноты, которая присутствует

в русском пейзаже, в книгах о северной или среднерусской деревне. У Годенко как бы подчеркнута прочность быта, укорененность человека на земле. Северной неустроенности противопоставлена южная домовитость, но в остальном жизнь его сельских героев мало чем отличается от жизни героев «деревенской прозы». Труд, труд, труд — вот главное содержание их жизни. Труд, и старящий, и молодящий человека, лишаящий его сил и дающий ему крылья.

В романе «Минное поле» Михаил Годенко как бы только очертил границы страны своего детства, все внимание сосредоточив на военной, флотской судьбе главного героя. В новом своем романе «Зазимок» (1965—1967) он всю романную площадь отводит под описание жизни колхозной слободы, раскинувшейся на обрывистом берегу Салкуцы.

«Зазимок», возможно, лучше других книг показывает особенности художественной манеры Годенко-прозаика. Он сторонник того типа «малого романа», когда действие сосредоточено на небольшой жизненной территории, круг героев сведен к минимуму, композиция отличается простотой и естественностью, а в письме преобладают короткие, точные, «рубленые» фразы. Действие в романе течет неторопливо, словно тихая степная речка. Весь интерес читателя держится не на остроте сюжета, не на неожиданных поворотах действия, а на «поэзии буден», на доверительности и откровенности рассказа, на какой-то ненавязчивой авторской интонации, на родственном чувстве ко всему, чем живут, над чем бьются герои «Зазимки», на внимании к самой привычной бытовой подробности. Из этого мира подробностей, из этого будничного потока дней постепенно вырастает образ времени, в остроте и сложности его социальных противоречий, в неповторимости и драматизме людских судеб.

В первой книге «Зазимка» мы знакомимся с жизнью четырех сельских подростков — Кости Говяза, Юхима Гаввы, Микиты Перехвата, Найдена Будяка, только еще приглядывающихся и принимающихся, словно молодые ягнята, к степному простору, пропеченному южным солнцем, продутому сухим «таврическим» ветром, промытому короткими, яростными летними ливнями. Чудесный, новый, молодой, многоцветный мир окружает четверку дружков, мир, в котором на всем лежит печать первородности и неповторимости. Слобода окружена черноземными, «родючими» полями, в которые, по народному выражению, посади оглоблю — вырастет телега, молодыми садами, бахчами и пасаками. Стенкой поднимаются озимые хлеба, бледной зеленью наливаются яровые — арнаутка, белотурка. Выйдешь за околицу — и распахиваются перед тобой неоглядные дали, чуть всхолмленные, густо настоянные на

чебреце, яблоневои цвете, запахе молодой кукурузы и молодого ореха и абрикоса.

Сев ли, молотба ли, другая ли какая сельская страда обрачивается для подростков праздником, захлестывает души восторгом. Извечная крестьянская работа увиденa молодыми, «праздничными» глазами. Этот праздничный взгляд на вещи господствует в первой книге романа. «Я чувствую, как сквозь стеганный ватник солнце нагревает спину. Чувствую, как морозец холодит ноздри. Все чувствую, все вижу, все знаю. Мне здесь хорошо. Так славно ходить по земле».

Молодое восприятие жизни, очарование каждым ее днем составляют главную черту молодых героев романа. Они взалхлепывают из чаши жизни, не успевая утереть губы, они живут «вкусно», солнечно, молодо, безоглядно. И в их молодости и безоглядности, в их жадном интересе ко всему в мире проглядывает молодость и размашистость страны, ступившей на дорогу новой жизни. Портрет села становится портретом Отечества, портретом Времени.

Найден Будяк и его товарищи — каждый со своим характером, со своей «особинкой». Но похожи они на птенцов, вылетевших из одного степного гнезда и весело расправивших молодые крылья навстречу ветру, простору, неоглядным степным далям.

Заканчивая чтение первой книги, мы расстаемся с Найденем Будяком, Костей Говязом, Юхимом Гаввой, Микитой Перехватом как бы на распутье. Куда теперь поведет их жизнь, какая дорога поманит, какое дело прикипит к сердцу, какое счастье выпадет на долю каждого?

И вот двадцать лет прошло с тех пор, как в бойкой слободе на речке Салкуда прощались со своим детством, со своей «степной краиной» четыре вихрастых паренька, четыре друга — «не разлей водой», поклявшиеся навсегда сохранить святое чувство товарищества.

«Двадцать лет я не был дома, — говорит себе Найден, шагая по весенней, утопающей в садах слободе. — Думал, все тут разрушено, сожжено и прах по ветру развеян. Оказалось, нет. Слобода стоит, и обрыв на месте — тот обрыв, под которым чудная криница играет».

Ну, а товарищи Найдена? Сохранила ли их прокатившаяся над этими степными пространствами война? Всех сохранила, но не всех сберегла, как говорится в одном старом присловье. Не всех сберегла от нравственных трат, от ошибок, падений. Не все сумели уберечь ту полетность души, которая дается только молодой, счастливой, честной жизнью.

Годы войны стали для четверых испытанием их духовного мира. Найден Будяк храбро сражался, потерял на войне ногу и двадцать лет спустя приехал в родную слободу победителем, за плечами которого была славная фронтовая биография. Микита Перехват набедовался в оккупации, хлебнул из чаши унижений, потом повоевал в зенитных войсках и теперь пьет горькое вино воспоминаний. Костя Говяз, демобилизованный майор, бывший морской летчик, «заслуженный человек, груди не хватает, чтобы регалии развешать», после демобилизации пошел в председатели колхоза и теперь днюет и ночует в конторе правления, стараясь навести порядок в отстающей своей артели. Юхим Гавва не выдюжил испытаний войны, подался в полицаи, ходил в румынской куртке с нарукавной повязкой, таскал за плечами фашистский карабин, был «третьим человеком на селе» после старосты и коменданта, теперь, после войны, живет нелюдимо, стыдясь односельчан, не догорает, а дотлевают в своей неудалой, путаной, исковерканной жизни.

Завершается «Зазимок» сценой встречи Найдена, Кости, Микиты и Юхима. «Надо было дожить до этой ночи. И мы дожили. Все четверо. Сошлись теперь вместе. Собрались на суд. Один из нас Иуда. Для всех? Не знаю. Я думал о нем именно так. С чего начнем? Положили руки на стол. Молчим. Душно — хоть ворот разорви».

Ожидаемого Найденем суда, однако, не получилось. Слишком сложны пути жизни, чтобы с маху решить судьбу даже такого жалкого человечка, как Юхим. Тут требуется весь запас и непреклонности, и доброты, и опыта, и веры в человека.

Роман «Зазимок» — роман о трудном, мучительном возвращении людей, обожженных войной, к мирной жизни, к нравственным нормам мирного времени, о цене опыта, добытого в тяжелейших испытаниях. Роман «Зазимок» — исповедь человека, который считал себя вправе быть судьей чужих судеб, но понял, что право сильного должно поверяться правом доброго, право непримиримого должно дополняться правом отзывчивого.

Отцвела весна юности, отпылало жаркое лето фронтовых испытаний, пришла осень послевоенной трудной поры. Герои романа вступают в зазимок духовной зрелости. До устоя зимы еще далеко, но уже первая пороша выбелила им виски, уже время пропахало на лбу каждого глубокие складки, уже приутихли страсти и мелькают бесенята в глазах. Наступила пора подведения первых больших жизненных итогов. Каждый оглядывается на оставленные позади дороги, перебирает прожитые дни,

каждый вымеряет емкости души, заполненные горячим материалом пережитого.

В романе «Каменная баба» (1970—1972) Михаил Годенко снова возвращается в те же места и вроде бы к тем же героям, о которых он рассказал в двух первых романах. Но луч художника высвечивает уже иную грань жизни. «Даль памяти» в этом романе отодвинута в самое начало тридцатых годов, а в авторских раздумьях она уходит еще дальше, к тем таинственным векам истории, когда на просторах нынешней Таврии широко плескалась скифская вольница.

Особняком в прозе Михаила Годенко стоит повесть «Полоса отчуждения» (1977). Писатель поселяет своего героя не на «малой» родине, не в слободе «где-то возле Мариуполя», а в Москве, дает ему непривычную и даже немыслимую для прежних героев профессию ученого-физика и сталкивает его с таким комплексом нравственно-этических проблем, с которым не сталкивались ни Михайло Супрун, ни Найден Будяк, ни Охрим Баляба.

«Полоса отчуждения» — это рассказ об автомобильной катастрофе и последствиях, какие она имела в судьбе человека, жившего до этой катастрофы ровной, размеренной столичной жизнью, не очень-то задумывавшегося над сложностями людских отношений, над нравственными вопросами, беспечно бравшего от жизни все, что она ему щедро давала.

По беспечности, по лихости угодив в автокатастрофу, покалечив близких людей, вышибленный из седла, он вдруг как бы очнулся от душевной спячки. Теперь все вокруг видит он как бы оголенным, раздетым. Словно удар, отбросивший его «Волгу» на полосу отчуждения, сбил с окружающего мира всю мишуру и позолоту, и все вещи предстали в их истинном виде. Жизнь, которая представлялась ему такой комнатно-уютной, несложной, вдруг обнаруживает острые углы, противоречия. Люди, всегда бывшие близкими, «своими», начинают отчуждаться, а те, кого он не очень жаловал вниманием, раскрываются как настоящие друзья, готовые разделить с ним его беду. Протрезвевшими глазами смотрит он на мир и на себя, все острее осознавая, как важно быть не просто удачливым ученым, талантливым исследователем, баловнем судьбы, «счастливчиком», душой общества, а просто человеком, чутко воспринимающим все токи жизни, все людские радости и беды.

С героем повести происходит парадоксальная вещь. Из-под обломков разбитой машины выбирается не калека, а духовно обновленный человек, осознающий меру новой ответственности перед жизнью. «Какую бы муку для меня ни изобрели, она все равно

будет бесконечно малой, не искупающей вины. Я строил свою жизнь, свое счастье годами, создавал по крупице, добывал неимоверным усилием воли — и сам же враз все разрушил, разбил в прах. Ничего уже не изменить, ничего не исправить. Если бы кто придумал для меня такую боль, которая была бы способна вытеснить эту, настоящую, — я бы принял ее с радостью. Но кто придумает, кто подарит мне ее?!

В условиях нынешнего «комфортного» существования, в деятельной суете современного города, в погоне за модными благами цивилизации кое у кого гложет душа. Человек как бы живет с заткнутыми ушами и с закрытыми глазами. И нужна подчас поистине экстремальная ситуация, чтобы снова прорезался у человеческого души слух и открылись зоркие очи.

В повести «Полоса отчуждения» и рассказано о такой экстремальной ситуации, когда беда не уводит человека из мира, а приводит в мир, возвращая ему чувство ответственности за жизнь других, чувство сопереживания и сострадания к другим людям, рассказано с глубоким проникновением во внутренний мир человека.

В 1981 году журнал «Москва» опубликовал «Потаенное судно», своеобразное продолжение «украинских» романов писателя. Героем романа стал Антон Баляба — сын Охрима Балябы. Мы снова оказываемся в Новоспасовке, прилепившейся к Кенгесской горе, но только уже в послевоенной Новоспасовке, пережившей оккупацию, разруху, вставшей на ноги, широко раскинувшей свои молодые сады, виноградники, бахчи и поля пшеницы.

Охрим Тарасович Баляба предстает перед нами в «Потаенном судне» уже старым («перевалило за шестьдесят») человеком, прожившим не одну, а целых три жизни.

«Охриму Балябе сдается, что он успел прожить несколько вполне завершенных жизней. Он считает, что до двадцать пятого года, то есть до переезда на хутор, в коммуну, закончилась его первая, самая яркая, самая свежая, самая молодая и в то же время самая горькая батрачко-бесправная жизнь. Вторую он прожил в коммуне «Пропаганда» — незабываемо славную, на счастливый сон похожую. Пережил войну. Пришло убеждение: пора на покой. Все, что мог увидеть, увидел, все, что суждено потерять, потерял. Оказывается, нет. Вернулся в слободу, узнал, что у него родился внук, — и началась новая, странная, какая-то непредполагавшаяся жизнь, четвертая по счету».

Среднее поколение — Антон и Пания Балябы — приняло эстафету из рук Охрима, и теперь оно является как бы главным звеном в цепи поколений, составляющих новейшую историю Новоспа-

совки. Оглядывая родное село, Паня с какой-то просветленной печалью думает о своей жизни. «Соседние сады, хаты, заброшенные ветряные мельницы, дальние лесополосы, поля, луговины сливались для нее в единый, неделимый мир. Она чувствовала себя в этом мире неотъемлемой и необходимой. Ей не верилось, что когда-то ее не было на свете. Неправда, она всегда была и всегда будет, как эта Кенгесская гора, как речка, протекающая под горою, как море, которого отсюда не видать, но которое угадывается по особо высветленному, истекающему маревом горизонту».

И, наконец, третье поколение новоспасовцев — Юрко и Владимир Балябы,— только вступившее в жизнь, разменявшее всего лишь вторую десятку лет.

Юрко Балябе, взятому на службу в атомный подводный флот, пришлось жертвовать жизнью, выручая товарищей из беды. Героическая гибель Юрия только подчеркивает житейскую крепость рода Балябы, людей от земли, вынесших столько испытаний за свою жизнь, не склонивших головы перед врагом и передавших своим детям и внукам в наследство отвагу, трудолюбие, терпеливую настойчивость, человечность, верность долгу, любовь к социалистической родине и готовность отдать жизнь за ее процветание.

«Потаенное судно» как бы завершает рассказ о земляках Михаила Годенко, степняках-хлеборобах Таврии, строителях и защитниках новой жизни.

Михаил Годенко — суровый реалист. Вчитайтесь в страницы его «Минного поля», где он описывает первые месяцы войны на Балтике. Трагичны и беспощадно правдивы эти страницы. Вслушайтесь в воспоминания Потапа Кузьменко, продкомиссара в годы гражданской войны, в его раздумья о том, какая нелегкая дорога выпала ему в жизни, о том, как гнали его, бедолагу, «не по осеннему шляху, а степной затравевшей колеей, ведущей в сторону моря», с заломленными назад, скрученными проволокой руками и как беляки заставляли его грызть «сухой ствол одиноко стоящей акации». «Жри, продкомиссар, ты за хлебом на хутор явился — вот мы тебя и подкормим трошки». Или перечитайте то место «Потаенного судна», где рассказано о гибели Юрия Балябы, как бы растворившегося, «растаявшего» во тьме подледных глубин северного океана.

Таких сцен у Михаила Годенко немало. Но он умеет соединять суровый реализм с тонким, акварельным рисунком родного украинского пейзажа, с мягкостью лирических сцен, когда только-только проклевывается молодое чувство любви, с лирикой крестьянского труда, утверждающего неразрывную связь человека с природой, с отзывчивой на ласку земель.

Во всех своих книгах Михаил Годенко остается верен своему творческому кредо: исследовать жизнь неторопливо, основательно, во всех малых подробностях, не поступаясь ни прозой, ни поэзией буден.

Виктор КОЧЕТКОВ